

Ирина Реброва
(Берлин, Германия)

К.и.н., Ph.D., доцент, научный сотрудник Центра изучения антисемитизма
Технического университета Берлина, проект фонда «Память. Ответственность и будущее»
по созданию передвижной выставки «Помни о нас...»
Штрассе дес 17. Юни, 135, 10623, Берлин, Германия
E-mail: info@rebrova.com
ORCID ID: 0000-0003-4782-2936

Bacharach W.Z., ed. Last Letters from the Shoah

Jerusalem: Yad Vashem, 2013. 400 p.

Zeltser A., ed. To Pour out my Bitter Soil: Letters of Jews from the USSR, 1941–1945

Jerusalem: Yad Vashem, 2016. 276 p.

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.5.7

Письмо – это один из древнейших видов обмена информацией. С течением времени расширялась география адресатов, совершенствовался способ доставки писем, изменялся сам носитель информации – от посланий на камне и пергаменте люди перешли к бумажным письмам, а затем к электронной и – уже нередко – звуковой корреспонденции. Неизменным остается внутреннее наполнение письма, его изначальное предназначение передать информацию близким, друзьям и знакомым, а нередко и представителям властных структур в надежде получить обратную связь. В кризисные годы и в период критически опасных жизненных ситуаций письмо становится и надеждой на будущее, и единственной нитью, способной связать родственников и друзей, поддержать словом, попросить о помощи. Письма войны в этом смысле являются уникальным жанром, к которому уже не раз обращались исследователи [Сомов 2003; Булыгина 2005; Иванов 2009]. Опубликованы сотни сборников писем Второй мировой войны, составленных по географическому [Альтман, Шапкин 1990; Василевская 2015; Гусев

2010], тематическому [Петрова, Болтунова 2010; Ушакин, Голубев 2016] и этническому признаку [Эхо огненных лет 1975; Альтман, Терушкин 2007, 2010, 2013, 2016]. Все они уникальны и по-своему интересны. Их все объединяет то, что даже в самые трудные времена люди остаются людьми с присущими им эмоциями и ежедневной необходимостью решать насущные проблемы. Даже перед смертельной опасностью в своих последних письмах большинство авторов продолжают наставлять родственников, справляться об их здоровье или переводить деньги, то есть продолжают оставаться обычными людьми с обычными человеческими потребностями.

Последние письма жертв Холокоста в этом смысле, как это ни удивительно, так же отображают повседневную реальность с ее заботой о близких, верой в будущее и надеждой на спасение. Их главное отличие в том, что многие авторы буквально подводят итог своей жизни, но не в смысле рефлексии над прожитым. В письмах к родственникам они детально описывают то, что евреям пришлось пережить в концентрационных лагерях или в гетто, рассказывают о том, как становились невольными свидетелями массовых убийств евреев нацистами. Такие письма – уникальные свидетельства Холокоста, позволяющие за миллионами жертв увидеть единичные судьбы, а самим жертвам вновь обрести имена. Представленные сборники писем – это одна из многих попыток современных историков обобщить опыт Холокоста посредством изучения источников личного происхождения. Письма в этом отношении являются уникальным свидетелем исторической эпохи, позволяющим почувствовать время, задержаться на мгновение за минуту до Катастрофы, лучше понять и узнать мир европейского еврея, но прежде всего – человека. Именно такую задачу ставил Вальтер Цви Бахарах при составлении сборника «Последние письма Холокоста». Человек с его чувствами, мыслями и заботами, верой в будущее и одновременно продолжающий решать повседневные задачи даже перед лицом неминуемой смерти представлен в письмах, отобранных редактором для публикации. Фраза русского писателя Максима Горького «Человек – это звучит гордо» является лейтмотивом всего сборника и каждого письма в отдельности. География писем, как и время их написания, особенности жизни евреев в различных концентрационных лагерях или в гетто, о которых сообщается в письмах, отступают на второй план по сравнению с чувствами, эмоциями и переживаниями человека, жить которому осталось буквально полчаса.

Письма в сборнике, подготовленном Аркадием Зельцером, сгруппированы тематически, а внутри каждой группы выдержана хронологическая последовательность. Особенностью сборника является желание его редактора показать советское еврейство как особый этнос многонационального Советского Союза в годы войны. Аркадий Зельцер справедливо отмечает, что большинство евреев в первые десятилетия советской власти в сильной степени «советизировались»: их менталитет, образ жизни, семейные устои практически ничем не отличались от жизни представителей других

национальностей в СССР. Тем не менее, поиск именно «еврейских» тем в представленных письмах – специфическая черта сборника. Многие письма адресованы родственникам и родным, в них авторы описывают страдания еврейского народа, очевидцами которых они стали. Но чаще всего это письма во власть, вернее, письма Илье Эренбургу и Соломону Михоэлсу, членам Еврейского Антифашистского комитета, которые публиковали материалы о евреях в периодической военной печати, вели активную общественную деятельность, направленную на развитие еврейской истории и культуры в стране Советов.

Сборник писем под редакцией Аркадия Зельцера тематически гораздо шире, чем осмысление истории Холокоста: образы советского еврейства представлены в письмах еврейских солдат, сражавшихся в рядах Красной Армии, евреев, находившихся в тылу и заботящихся о поддержании еврейской культуры, а также евреев, которые возвращались в родные поселения после их освобождения. И если сборник, подготовленный Вальтером Бахарахом – это гимн Человеку, которому не суждено больше жить на свете, своеобразный словесный памятник жертвам Холокоста, то «To Pour out my Bitter Soil: Letters of Jews from the USSR» – это письма, в которых представлены все те проблемы и невзгоды, с которыми приходилось сталкиваться советскому еврею как на фронте, так и в тылу, и ответственность за эти беды несет как нацистское руководство, так и советская власть. Холокост является здесь апогеем, катастрофой европейского (в том числе и советского) еврейства. Так, в разделе «Последние письма» представлено 12 писем, большинство из которых написаны перед смертью близким родственникам, а два письма содержат более общую информацию об уничтожении евреев и адресованы в газеты. Аркадий Зельцер как редактор сборника стремился выявить «еврейскость», некую еврейскую специфику в письмах, поэтому его в большей степени интересовал не сам Холокост, а реакция на него советских евреев, особенности жизни евреев в тылу, участие евреев в военных действиях на фронте и в партизанских отрядах, трудности возвращения в родные места после освобождения. Эти письма, как и письма из сборника Бахараха, эмоциональны и содержат призыв бороться и мстить, верить и надеяться. Но, кроме того, здесь перед читателем открываются типичные для советского общества проблемы: антисемитизм и ущемление национальной культуры, замалчивание роли евреев в Красной Армии, героизма и патриотизма евреев, сражавшихся на фронте. Об этом писали советские евреи Илье Эренбургу, в котором видели своего защитника и рупора еврейской культуры и советского еврейства. Таким образом, представленные в сборнике письма – это попытка показать еврейство в стране Советов. Действительно, евреи ощущали себя именно советскими гражданами, осознанно используя термин «советский», а не «русский» в своей корреспонденции. Тематику писем и язык тоже можно охарактеризовать как советские: авторы часто употребляют распространенные в СССР клише при описании

врага, участвуют в общегосударственных мероприятиях по сбору денег на поддержку армии, верят в единство советского народа и наивно не понимают и не принимают антисемитизм в стране. Эти письма – своего рода ответ авторов на общественные события, что особенно интересно в контексте истории Холокоста и реакции на него в СССР.

Любая публикация исторических источников всегда отражает субъективное видение исследовательской темы редактором. Каждый исследователь, работая с определенным корпусом материалов, всегда будет производить систематизацию согласно собственной логике, читателю предлагается лишь следовать ей, порой оставляя за пределами осмысления многие вопросы как к самим источникам, так и к авторско-редакторской позиции. Так, Вальтер Бахарах собрал 116 писем евреев Европы, написанных непосредственно перед смертью авторов. В детальном введении к сборнику писем редактор определил спектр основных тем, которые встречаются в письмах. Для него важна была прежде всего эмоциональная составляющая писем. Он произвел систематизацию по следующим признакам: наличие в письме предчувствия гибели, отчаяния и надежды, описание последней воли и просьб, наставления детям, присутствие тем борьбы, принятия судьбы, мести, веры или даже суицида как формы сопротивления. Каждое письмо, отвечающее авторским критериям отбора, было процитировано во введении таким образом, что читатель получил одну общую историю Еврея, – а прежде всего – Человека, находившегося на краю смерти. Некоторая мозаичность текста благодаря редакторской работе выглядит как свойство собирательного портрета авторов писем и меганарратива, в котором трагедия каждого человека оказывается частью общей трагедии Холокоста. Каждое письмо имеет архивное описание во введении и лишь иногда после публикации самих писем приводится краткая информация о том, где было найдено отдельное письмо или на чем оно было написано. Подробности семейных историй, как и история уничтожения евреев в каждом отдельном месте, не являются главным для редактора сборника. Это означает, что обычному читателю нужно самому искать информацию о том или ином концентрационном лагере или об истории гетто на территории Западной Европы, чтобы лучше понять контекст письма. То есть в стремлении универсализировать личную историю Холокоста Вальтер Бахарах пренебрег как историческим контекстом, так и источниковедческим анализом публикуемых источников. В сборнике Зельцера каждое письмо снабжено историческом комментарием, приводятся биографические сведения практически о каждой упоминаемой на страницах писем персоналии. Эти письма, как и письма сборника Бахараха, хранятся в основном в архиве музея «Яд Вашем», куда они попали из архивов разных стран и семейных коллекций. Часто они снабжены краткой информацией об истории самого письма (на чем и при каких обстоятельствах было написано).

Оба сборника – перевод источников на английский язык. Из предисловий к каждому сборнику становится очевидным, что переводы были сделаны с разных языков. Однако информация о языке-оригинале каждого конкретного письма отсутствует. Между тем, это – важная деталь, и она несет существенную информацию об авторе письма. Например, в случае с советскими евреями, оригинал мог быть написан не только по-русски, но и на идише, по-украински, на белорусском, польском и даже немецком языках. Лишь из текста некоторых писем становится понятно, что автор начинал писать, например, на идише, а затем переходил на русский. В сборнике Бахараха информация о языке оригинала вообще отсутствует, что значительно унифицирует представленные тексты и нивелирует специфику.

Уникальность писем периода Холокоста в том, что они, с одной стороны, искренние, честные и эмоциональные, прежде всего, в плане осознания неминуемой смерти. С другой стороны, они представляют собой акт фактической коммеморации жертв Холокоста: в последних письмах содержится частная информация об уничтоженных евреях, их имена и подробности жизни (с. 11). В этом смысле подобные сборники писем евреев-жертв Холокоста, оставаясь источником личного происхождения с присущим ему субъективностью, эмоциональностью и микроисторичностью, поднимаются на уровень мегаистории, давая возможность современникам осмыслить события прошлого.

Литература

Альтман, Терушкин 2007, 2010, 2013, 2016 – «Сохрани мои письма...»:

Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин. М.: Центр «Холокост». Вып. 1–4. 2007, 2010, 2013, 2016.

Альтман, Шапкин 1990 – Хроника чувств 1941–1945: Письма Владимирцев с фронта и на фронт / Сост. И.А. Альтман, Я.М. Шапкин. Ярославль, 1990.

Булыгина 2005 – Булыгина Т.А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 530–540.

Василевская 2015 – Письма с фронта / Сост. Т.А. Василевская. Краснодар, 2015.

Гусев 2010 – «Я пока жив!» Письма с фронта 1941–1945 гг. / Сост. М.Ю. Гусев. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2010.

Иванов 2009 – Иванов А.Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.

- Петрова, Болтунова 2010 – Самый памятный день войны. Письма-исповеди / Сост. Н.К. Петрова, Е.М. Болтунова. М., 2010.
- Сомов 2003 – Сомов В.А. Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 131–135.
- Ушакин, Голубев 2016 – XX век: Письма войны / Сост. С. Ушакин, А. Голубев, подготовка документов Е. Гончарова, И. Реброва. М., 2016.
- Эхо огненных лет 1975 – Эхо огненных лет: Письма киргизстанцев в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе: Издательство «Кыргызстан», 1975.

Bacharach W.Z., ed. Last Letters from the Shoah. Jerusalem: Yad Vashem, 2013. 400 p.

Zeltser A., ed. To Pour out my Bitter Soil: Letters of Jews from the USSR, 1941–1945. Jerusalem: Yad Vashem, 2016. 276 p.

Irina Rebrova (Berlin, Germany)

Ph.D., Center for Research on Antisemitism, Technical University of Berlin, Germany; foundation «Remembrance, Responsibility and Future»

Strasse des 17. Juni, 135, 10623, Berlin, Germany

E-mail: info@rebrova.com

ORCID ID: 0000-0003-4782-2936

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.5.7

References

- «Sokhrani moi pis'ma...»: Sbornik pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoi Otechestvennoi voiny. / Sost. I.A. Al'tman, L.A. Terushkin. M.: Tsentr «Kholokost». Vyp. 1–4. 2007, 2010, 2013, 2016.
- Khronika chuvstv 1941–1945: Pis'ma Vladimirtsev s fronta i na front / Sost. I.A. Al'tman, Ia.M. Shapkin. Iaroslavl', 1990.
- Bulygina T.A. Pis'ma s fronta kak istochnik istorii povsednevnosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Stavropol'e: pravda voennykh let. Velikaia Otechestvennaia v dokumentakh i issledovaniikh. Stavropol', 2005. S. 530–540.
- Pis'ma s fronta/ Sost. T.A. Vasilevskaia. Krasnodar, 2015.

- «Ja poka zhiv!» Pis'ma s fronta 1941–1945 gg. / Sost. M.Iu. Gusev. Nizhnii Novgorod: Komitet po delam arkhivov Nizhegorodskoi oblasti, 2010.
- Ivanov A. Iu. Frontovye pis'ma uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny kak istoricheskii istochnik: Dis. ... kand. ist. nauk. Kazan', 2009.
- Samyi pamiatnyi den' voiny. Pis'ma-ispovedi / Sost. N.K. Petrova, E.M. Boltunova. M., 2010.
- Pis'ma uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. // Voprosy istorii. 2003. № 8. S. 131–135.
- XX vek: Pis'ma voiny / Sost. S. Ushakin, A. Golubev, podgotovka dokumentov E. Goncharova, I. Rebrova. M., 2016.
- Ekho ognennykh let: Pis'ma kirgizstantsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Frunze: Izdatel'stvo «Kyrgyzstan», 1975.
- Bacharach W.Z., ed. Last Letters from the Shoah. Jerusalem: Yad Vashem, 2013.
- Zeltser A., ed. To Pour out my Bitter Soil: Letters of Jews from the USSR, 1941–1945. Jerusalem: Yad Vashem, 2016.